

Современная немецкая МЫСЛЬ

сборник статей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С56

С56 Современная немецкая мысль: сборник статей / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 210 с.

ISBN 978-5-8850-1296-6

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1921 года

ISBN 978-5-8850-1296-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

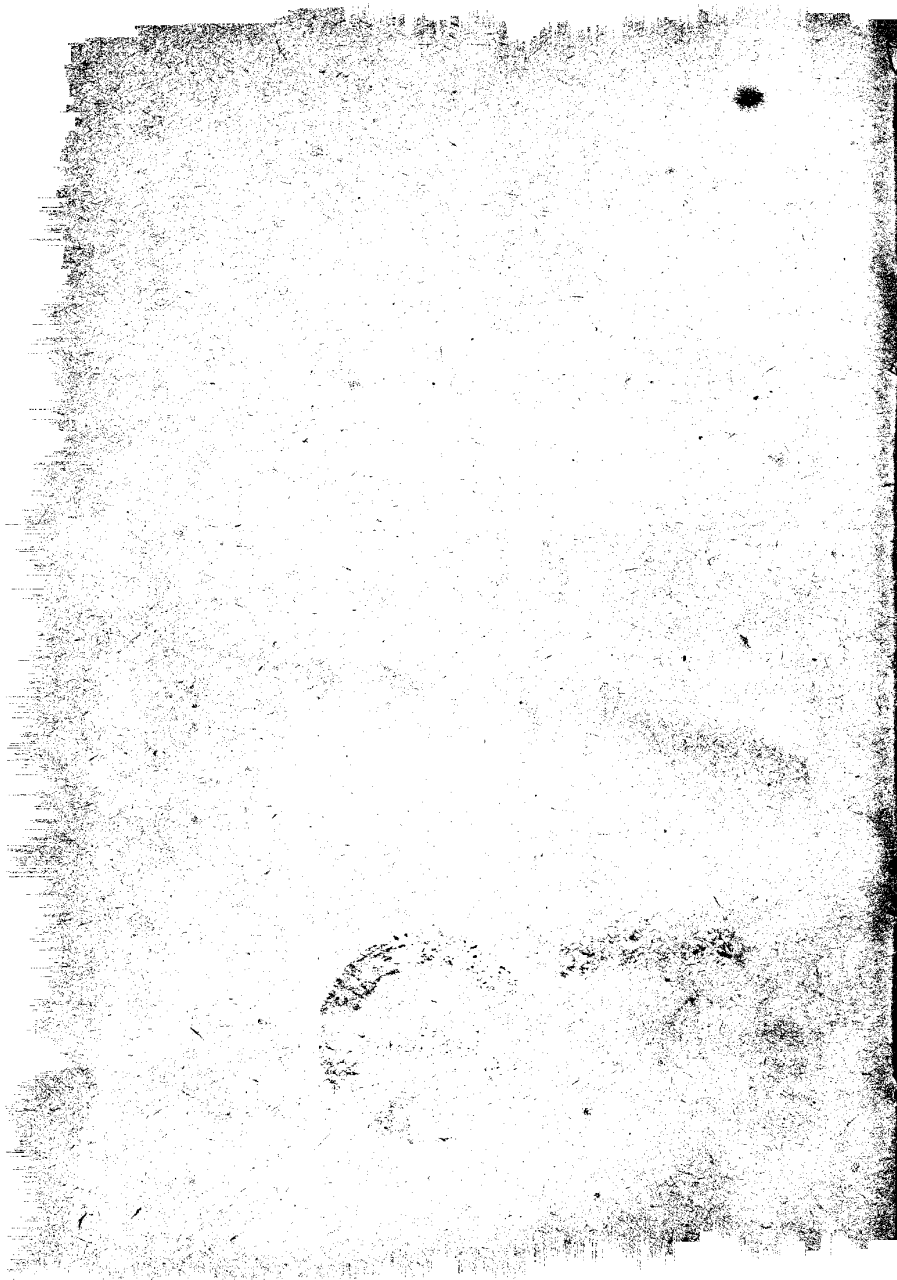
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

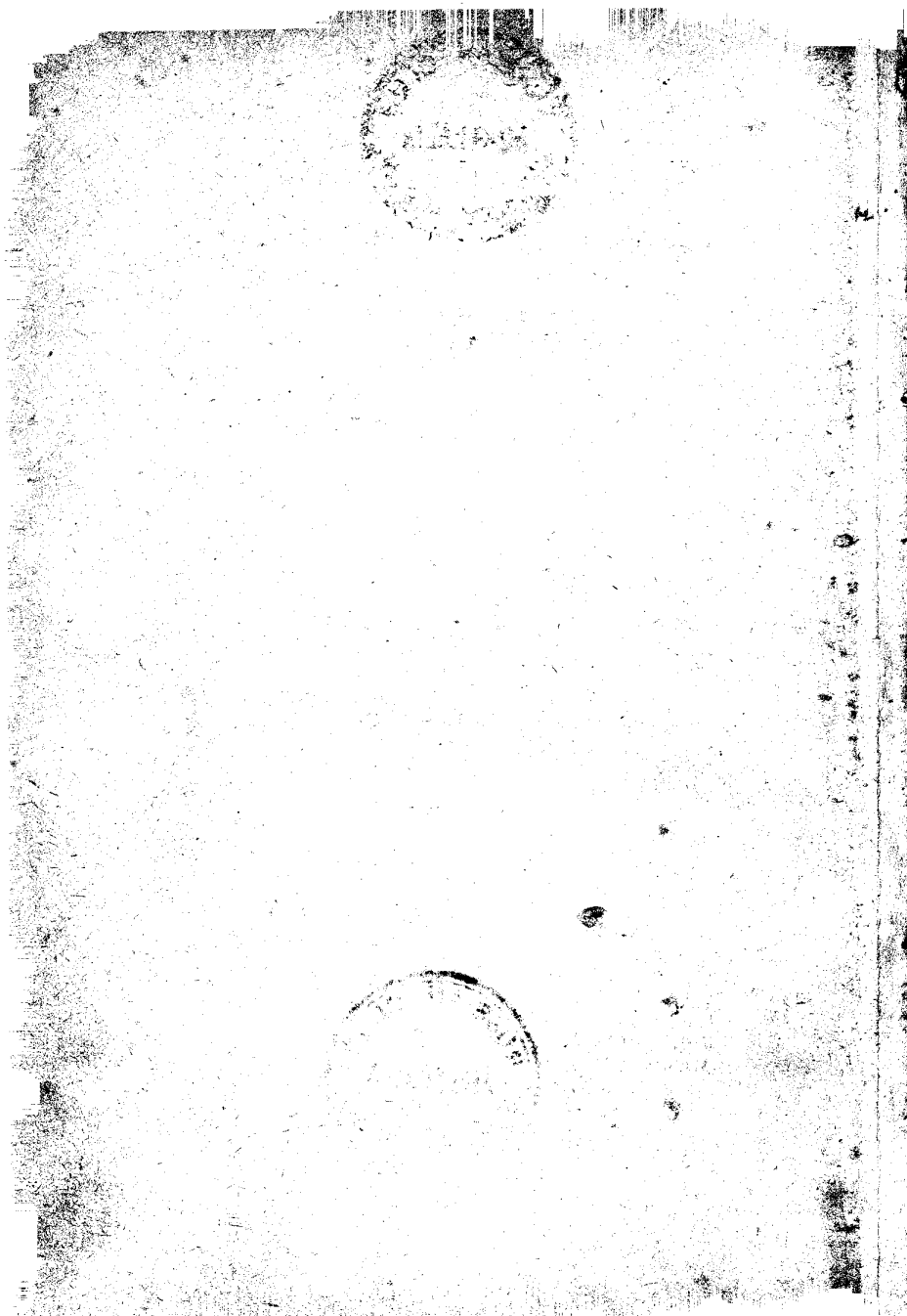

Оглавление.

<i>Генрих Манн</i> : Вольтер—Гете (из „Macht und Mensch“) . . .	1
<i>Эрнст Блох</i> : Новые композиторы (из „Geist der Utopie“) . .	8
<i>Теодор Дейблер</i> : Новая точка зрения (из „Der neue Standpunkt“)	
Шагал	20
Барлаха	26
Марк	28
<i>Поль Эрнст</i> : Машинное сердце (из „Der Zusammenbruch des deutschen Idealismus“)	34
<i>Генрих Кейзерлинг</i> : Бенарес (из „Reisetagebuch eines Philosophen“)	89
<i>Огвальд Шпенглер</i> : Философия будущего (из „Der Untergang des Abendlandes“)	123
<i>Карл Каутский</i> : Проблемы социализации (из „Die Revolution“) .	171
<i>А. Эйхштейн</i> : Диалог по поводу возражений против теории относительности (из „Die Naturwissenschaften“) . . .	185

1962
7 / 5

Вольтер—Гете.

Генриха Манна.

Мыслимо ли, чтобы где-нибудь на свете господствовал дух? С тех пор, как существуют человеческие общества, они видели в духе опаснейшего врага. Они окарнали его, прикрепили к религиям. И когда он пытался высвободиться, они сонмами, легионами, горами тел набрасывались на него, как войска Ксеркса на Грецию. И если когда-либо дух побеждал, его победа была кратковременной, катастрофой, полной ужаса хаосом, причем страх в конце концов разрешался в черных клубках дыма, в дыму костров Савонаролы. Косный материализм современных монархий предупреждал всякое буйство духа угрозой несчетных штыков. Мыслимо ли, чтобы дух пробился сквозь строй штыков? Чтобы он витал на самом острие штыка? Чтобы сила и дух были воедино? Целый народ вкупе со своими вождями вверяет себя духу, его суровости, его ратоборству, его опьянению! Этот народ ради мучительных исканий духа отрекается от животного долголетия других народов! Он отвергает спасительную ложь! Он остается честным, хотя бы это вело к гибели! Народ, целый народ сокращает свою временную жизнь из любви к жизни вечной!

Всех великих французов отличает свойственное их расе гармоническое сочетание интенсивной чувственной жизни с пылом и ясностью духа. Они не отрекаются от плоти и не витают в эмпиреях. Они не гномы, не чудовища, не отбрасываемые жизнью тени. Они живут,

они люди, как и другие. Даже Флобер, дошедший до пределов утонченности, не решался описывать нетипических явлений. Как бы они ни были сильны, для них всегда на первом месте не их личность, а внешний мир. Сердце и разум зовут их обратно в среду человечества, в среду народа. Правда, это народ, который не требует от них никаких жертв; который их не отталкивает, не измучивает своей медленностью и безвкусием; для которого народным искусством является литература, а величайшей заботой — дух, и который идет за ними туда, куда они ведут его. Они же ведут его на высоты, к господству над самим собой. „Человек приобретает некоторую одухотворенность, развивая воображение; и много благородства, созерцая прекрасное“. Флобер мог бы добавить: „притом — доброту, вглядываясь в сердце других людей, человеческое достоинство, познавая свое собственное сердце, отвращение ко лжи и насилию, видя их перед собою.“ Таково влияние этих романов, этих стихов: они воспитали демократию. Таково влияние Золя и даже Бальзака, вопреки его тенденциям (ибо роман, срывающий завесу с широкого мира, эта великая игра всех человеческих взаимоотношений, по природе своей проникнут духом равенства; он становится велик при демократии, в то время как драма в своей аристократической узости вымирает. Бальзак — поэт борющейся демократии, Золя — торжествующей). Виктору Гюго, чьи республиканские фанфары гремели из ссылки, Сент-Беву, защищавшему в сенате свободу печати, Флоберу с его идеалом господства науки, господства самого духа, и Ламартину в те моменты, когда он словом укрощал стихию толпы, вышедшую из берегов, и Рюшфору во время его долголетнего поединка с одним из императоров, и Золя, ко-

торый заставил пушки насилия смолкнуть перед истиной — им всем достался счастливый удел: они не чувствовали себя немymi и безрукими, но были выдвинуты на высокую трибуну народом, для которого жизнь духа не была лишь безплотной и бессодержательной игрой; они словом своим двигали жизнь, претворяя дух в мир в действие...

В каждом из них воскресает Вольтер. В Германии всякий выдающийся человек повторяет бездеятельную, неизвестную народу жизнь Гете.

* * *

Оба они злы, как могут быть злы лишь великие люди. Вольтер, священнослужитель духа, ненавидит инакомыслящих священнослужителей и гораздо лучше ладит со светскими властями, чем с духовными. Это гражданин, который оружием избрал дух, из него кует золото и силу, и к знати и к простому народу относится с ненавистью и со страхом. Его ненависть к Руссо — это ненависть к человеку из народа. Но дух в нем, точно переходя из поколения в поколение, становится все более мощным и свободным, преодолевает обывательщину и самый страх, совершает подвиги, рождает — о чудо! — даже доброту. Страстность духа спасает Вольтера.

Гете ненавидит все, что негармонично, что односторонностью духа, страстностью, непримиримым натиском и суровостью нарушает равновесие природы. Он ненавидит все только-человеческое, ненавидит бунт человека против природы, все демоническое, всякий радикализм. От него, воплощения самой природы с ее многосторонностью и спокойствием, отскакивают все эти болезненные явления; они осуждены им — природою;

они обречены на гибель. Удовлетворенный в своей любви к законам природы, созерцает он гибель французской революции и Генриха фон-Клейста.

Вольтер остается так далеко позади Гете, как человеческий разум позади природы. В произведениях Гете — богатая душа вселенной, в фантастических творениях Вольтера — ее рассудочное отражение. Гете питает к человечеству высокую, далекую любовь бога к своему творению; Вольтер в пыли и прахе борется за человечество. Он односторонен и не хочет стать иным. Он — воплощенный бунт человека против природы, против ее тупости и косности, несправедливости и жестокости. Он больно колет ее тупую важность своим сарказмом, этим наиболее типичным продуктом человеческого ума. Он ненавидит все обычное, все возникшее бессознательно, ускользающее от контроля мысли и от критики. Он не считается с волей природы и ее детищем — традицией; для него необязательны ее веления; он сам выставляет требования во имя живущих в нем законов: во имя справедливости и истины. Его голос звучит насмешкой и ненавистью, его лицо искажено гримасой. Как величественно и мудро взирает на него Гете с величественной башни своего познания! Для него объяснимы все несправедливости, омрачающие взор Вольтера; ложь, заставляющая этого последнего становиться на дыбы, для него лишь составная часть великой правды природы. Смешно было бы бороться с ее медленной и священной работой. Только фанатики могут воздевать к небу руки и поднимать шум, как при Вальми.

Но они побеждают! Там внизу на своем холме они поют Марсельезу, и старая армия Фридриха разбивается об их натиск. Их победа — это победа осво-

божженного от оков духа над природою и преданием, победа Вольтера над Гете. Гете отворачивается и презирает.

Его презрение к революции — так ли уж оно необъяснимо? Не бывало ли и у него порыва к действию, к переходу от вечного к повседневному? Он делал такие попытки (попытка освобождения веймарского населения от феодального права охоты), но без успеха. Что же таится под этим гневным презрением к революции, о которую его поэзия разбивается и становится маленькой, как армия мертвого порядка перед тем поющим холмом в Вальми? Не скрывается ли под этим горесть человека, который вынужден жить среди бездейственного народа и чувствует себя связанным с косной действительностью? Его „внутренняя свобода“ на самом деле является лишь оправданием жизни, которая поневоле от многого отказалась и многое принуждена была скрывать; ее тайный позор обнаруживается в признании Гете, что он в течение всей своей жизни, своей возвышенной, многообразной, славной жизни смущался в присутствии любого лейтенанта из аристократии.

Вольтера аристократы отхлестали; он не устыдился — и воздвиг для них гильотину. Она была делом его рук. Он воскрес, когда священники и короли были низложены. При каждом новом крушении власти он стоял во главе идущих на приступ. Там, где истина вооружалась против пользы, дух против силы, гремело его имя. Если бы гроб того, кто ради одного невинно преследуемого человека подверг опасности обороноспособность своей страны, если бы гроб Золя открылся по пути к Пантеону, мы увидели бы там просветленное безобразное лицо Вольтера. Он, который под плащами генералов первой республики победителем проносился

по земле, взорвет третью республику на воздух. На ее развалинах грянет его смех, прозвучат раскаты его голоса: „Больше свободы! Больше правды! Ближе к глубинам свободы и истины!“ Гете между тем недвижно взирает с той призрачной высоты, где перекликаются между собой немецкие гении, на свою неподвижную страну. Его творчество, мысль о нем, его имя ничего не изменили в Германии, не устранили ни одной безчеловечности, не проложили ни единой пяди пути в лучшее будущее. За гробом его не шла семья Каласа. Людям, которые должны были почувствовать свою вину, он возвещал справедливость, равенство, свободу лишь в тех эмпиреях, о которых говорит нам утешительница поэзия. Так склонялся он к Гретхен, Оттилии, баядерке. Земная современность, борьба в пыли и прахе снизу изумленно шуряют на него — и запыхавшись проходят мимо. Свое оправдание находят в нем только праздные и равнодушные. Он стал популярным лишь в тот момент, когда в Германии возобладали слабое, богатое и любящее покой поколение. Ему пришлось мириться с тем, что реакционные министры преподносили народу взамен прав цитаты из него, Гете, обезценивающие эти права; и что ленивые эпикурейцы свое пустое существование прикрывают его именем, как символом „культуры“, как будто может быть культура без человечности. Вольтер, как надежда человечества, близок самым глубоким слоям своего народа, которые ничего не знают ни о его культуре, ни о его недостатках и границах его творчества, и для которых он во все времена является воплощением самой свободы.

Ибо свобода это совокупность всех целей духа, всех человеческих идеалов. Свобода это движение,

освобождение от земли, вознесение над животным: прогресс и человечность. Быть свободным это значит быть справедливым, справедливым — в такой степени, что бы неравенство стало невыносимым. Да, свобода есть равенство. Неравенство делает несвободным даже того, кому она на пользу. Тот, кто применяет силу, является ее рабом не в меньшей степени, чем тот, к кому она применяется. Тиран (а тираном мог бы быть каждый!) страдает под гнетом людей не меньше, чем они под его гнетом; унижая людей, он унижает в них самого себя. Его может спасти лишь бегство в гущу человечества. Пусть же он спасется, хотя бы рискуя погибнуть! Ибо свобода есть воля к тому, что сознано, как добро, хотя бы зло и являлось спасительной силой. Свобода — это любовь к жизни, включая в нее и смерть. Свобода — это вакхический танец разума. Свобода — это абсолютный человек.

